

I

Что всего удивительнее, так это реакция окружающих на воскресение из мертвых моей жены.

Скажем, в начале весны шли мы с ней через Бельведер-сквер и столкнулись с Джимом Рас-том, нашим бывшим соседом.

— Аарон! Вот так встреча! — начал он, но тут заметил Дороти, которая его разглядывала из-под ладони, и глаза у него полезли на лоб.

— Как оно, ничего? — спросил я.

Джим явно оторопел.

— Чудесно, — сказал он. — В смысле, помаленьку... Мы по тебе шибко скучаем. Без тебя оно все как-то не так.

Джим не сводил взгляда с моего рта, словно рядом больше никого не было. На Дороти он

не смотрел. Даже чуть отвернулся, чтоб ее не видеть.

— Ладно, всем большой привет, — сжалился я, и мы пошли дальше.

Шагая рядом, Дороти криво усмехнулась.

Другие притворялись, будто не узнают нас. Издали заметив нашу пару, они менялись в лице и, приняв крайне озабоченный вид, резко сворачивали в переулок. Я не обижался. Конечно, такое постичь нелегко. На их месте и я бы, наверное, так себя вел. Может, и нет, но кто его знает.

Уморой было встретить тех, кто подзабыл, что Дороти умерла. К счастью, такие попадались нечасто. Однажды в банке мы стояли в очереди и увидели мистера Ван Сента, который несколько лет назад оформлял нам ипотеку. Пробегая по залу, он притормозил возле нас:

— Ну что, на дом-то, поди, не наладуетесь?

— Да-да, — ответил я.

Чтобы не усложнять.

Представляю, как через минуту-другую до него дошло. «Погоди-ка! — наверное, сказал он себе, усаживаясь за стол. — Она же вроде как... того...»

Либо тотчас о нас забыл. А может, вообще не слышал о происшествии. И пребывал в пол-

ДИЛЕТАНТСКОЕ ПРОЩАНИЕ

ной уверенности, что дом целехонек, Дороти жива и мы счастливы в своем обычном супружестве.

В то время я уже переехал к сестре, обитавшей в нашем старом родительском доме на севере Балтимора. Не потому ли тогда-то Дороти и вернулась? Она не особо жаловала Нандину. Считала ее этаким командиршей. Да, сестра была чересчур властная. И сейчас такая. Особенно со мной, из-за парочки моих изъянов. Кажется, о них я не говорил. У меня увечные рука и нога, правые. Мне это ничуть не мешает, но вы же знаете, какие они, эти старшие сестры.

Да, еще я слегка заикаюсь, но лишь иногда. Сам-то я этого даже не замечаю.

Вообще-то я часто гадал, почему Дороти вернулась именно тогда. Произошло это не сразу после ее смерти, как вы, наверное, подумали. Времени минуло изрядно. Почти год. Конечно, я мог бы ее спросить, но почему-то подобный вопрос казался бестактным. Сам не знаю почему.

Однажды мы столкнулись с моей сослуживицей Айрин Ланс. Она работала у нас дизайнером. Мы с Дороти возвращались с обеда.

Вернее, я возвращался с обеда, а Дороти шагала рядом. И тут вдруг мы заметили Айрин, вывернувшую от церкви Святого Павла. Айрин трудно не заметить. Она всегда выглядит самой элегантной среди прохожих, хотя в Балтиморе это не такая уж непосильная задача. Но Айрин смотрелась бы элегантной везде. Высокая платиновая блондинка в длинном просторном пальто, воротник поднят, порывистый весенний ветерок играет полами, приоткрывая ноги. Мне стало любопытно. Как этакая личность нас воспримет? Я сбавил шаг, Дороти тоже притормозила, и, когда Айрин нас углядела, мы почти остановились, ожидая, что она скажет.

За два-три шага от нас она встала как вкопанная.

— О боже мой...

Мы улыбнулись.

— УПС! — выдохнула Айрин.

— Что? — переспросил я.

— В Управлении посылочной службы я заказала пикап, а в конторе-то никого не осталось.

— Не волнуйся. Мы как раз туда возвращаемся.

Я нарочно употребил слово «мы», хотя Дороти, скорее всего, в контору не войдет.

ДИЛЕТАНТСКОЕ ПРОЩАНИЕ

— Ох, спасибо, Аарон, — только и сказала Айрин. — Похоже, у меня все-таки начинается Альцгеймер.

С этим и ушла.

Она бы и впрямь всполошилась из-за Альцгеймера, если б поняла, что сейчас проглядела.

Я посмотрел на жену, надеясь, что и ее все это позабавило, но она думала о своем.

— «Земляничная поляна», — задумчиво проговорила Дороти.

— Не понял?

— Вот кого напоминает Айрин. Актрису в старом фильме Бергмана — она играет сноху, у нее еще волосы стянуты в этакий тугой пучок. Помнишь ее?

— Ингрид Тулин, — сказал я.

Дороти чуть вскинула бровь — мол, она впечатлена, — но мне не составило труда вспомнить это имя. Со студенческой поры я был очарован Ингрид Тулин. Мне нравилась ее холодноватая сдержанность.

— Как думаешь, скоро до нее дойдет? — спросил я.

Дороти только пожала плечами.

Казалось, она воспринимает нашу ситуацию весьма буднично, чего не скажешь обо мне.

Возможно, я не спрашивал Дороти о ее воскресении, поскольку боялся, что тогда она и сама задастся этим вопросом. Если вдруг возвращение произошло случайно, по рассеянности (как бывает, когда ноги сами несут тебя к дому по старому адресу), то заговори я об этом, и она может воскликнуть: «Господи! Мне же пора обратно!»

Или неправильно поймет мой интерес. Дескать, чего тебя принесло? Вроде как спрашиваешь гостя, надолго ли он приехал, а ему мерещится, что ты не чаешь от него избавиться. Возможно, я боялся показаться бестактным.

Я бы не пережил ее ухода. Однажды я через это уже прошел. На второй раз меня бы вряд ли хватило.

Она была невысокая, пухленькая, с виду строгая. Широкое, мило округлое лицо, оливковая кожа; идеальная симметричность безмятежных темных глаз, внушавших тебе покой. Иссиня-черные волосы (два поколения назад ее родичи перебрались сюда из Мексики), небрежно остриженные в каре. Но, по-моему, окружающие не замечали, насколько она хороша, ибо она прятала свою красоту. Нет, не так: она настолько ее не осознавала, что даже не

прятала. Носила большие очки в круглой оправе, в которых напоминала сову. Так одевалась, что выглядела кургузой: широкие прямые брюки, мужские рубашки, растоптанные туфли на каучуковой подошве — излюбленная обувь официанток. Только я подмечал прелестные складочки на ее запястьях и горле, словно перехваченных шелковой нитью. Один я ведал об ее милых пухлых ступнях с ногтями, точно морские ракушки.

Сестра говорила, что Дороти для меня стара, но я сам виноват — сдуру назвал ее истинный возраст. Жена была на восемь лет старше (умерла она в сорок три), но благодаря прекрасной латинской коже выглядела моложе меня. И потом, пышность ее скрадывала все морщинки. Дороти в жизни не дашь ее лет.

Еще сестра говорила, что жена для меня мелковата, и тут не поспоришь — в объятии мы соприкасались не теми местами, какими положено. Во мне шесть футов четыре дюйма. Дороти недотягивала до пяти футов с дюймом. Когда вы вдвоем идете по улице, говорила Нандина, такое впечатление, будто отец ведет дочку в школу.

И вообще, она чересчур работающая, добавляла сестра. Ха! Это что-то новенькое. Дороти

была врачом. Я — редактор в семейном издательстве. Не такой уж мезальянс, верно? Нандина имела в виду, что жена моя слишком уж *зациклена* на работе. Прямо поглощена ею. Утром она уходила рано, задерживалась допоздна, вечером не встречала меня с тапочками в руках, даже не умела сварить яйцо. Меня это устраивало.

А вот Нандину, видимо, нет.

Возможно, путь этот долог, и потому Дороти вернулась так не скоро.

А может, сперва она попыталась обойтись без меня, как пытался и я «пережить утрату», «найти утешение», «жить дальше», — до чего же нелепы все эти выражения, которые люди используют, понуждая тебя стерпеть невыносимое. Но потом она поняла, что мы истосковались друг по другу просто до невозможности.

Не выдержала и вернулась.

Так мне хотелось думать.

Я выставил сестру каким-то тираном, но это неправда. Она желала мне добра, потому и была столь придирчивой, вот и все. Нандина видела во мне только хорошее. Когда я вымахал